https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-3-26-34
УДК 37.01(09) (470.62)

Емтыль З.Я., Вазанков М.В.

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ И В АДЫГЕЕ В 20-Е ГГ. XX ВЕКА

Емтыль Зарема Январбиевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия
e-mail: adg1070@gmail.com
тел.: +7 (918) 430 25 55

Вазанков Максим Владимирович,
аспирант кафедры истории, философии и психологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», преподаватель Краснодарского кооперативного института (филиал) РУК, Краснодар, Россия
e-mail: ya.vazankovmv@yandex.ru
тел.: +7 (918) 197 06 77

Аннотация

В статье на широком фактическом материале исследуются содержание, формы и результаты развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX в. в контексте решения государственных задач и развития местной социокультурной среды. На основе проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что в рассматриваемый период не приходилось говорить о существовании плановых начал и некой системы в его организации. В ходе реализации установок центральных властей по подготовке кадров учителей-социалистов не учитывались реальные местные условия: низкий уровень грамотности населения, отсутствие необходимой финансовой и материальной основы, подготовленных кадров и опыта соответствующей организаторской работы. Негативно на качественном уровне нового учительства сказывался классовый отбор, направленный на его пролетаризацию. В качестве основного результата развития педагогического образования отмечено приобретение организационного опыта, необходимого для масштабной плановой подготовки кадров, развернувшейся с начала 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: горский рабфак, коренизация школы, культурная революция, подготовительное отделение, пролетаризация профессиональных кадров, рабфак

Для цитирования: *Емтыль З.Я., Вазанков М.В. Развитие педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX.века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Том 14, № 3. С. 26-34. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-3-26-34.*

Emtyl Z.Ya., Vazankov M.V.

DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL EDUCATION IN THE KUBAN AND ADYGEA IN 1920-S

Emtyl Zarema Yanvarbievna,
Doctor of History, a professor of the Department of History, Philosophy and Psychology
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
e-mail: adg1070@gmail.com
tel.: +7 (918) 430 25 55

Vazankov Maxim Vladimirovich,
a post-graduate student of the Department of History, Philosophy and Psychology
Kuban State Technological University, a lecturer at the Krasnodar Cooperative Institute (a branch) of the RUK, Krasnodar, Russia
e-mail: ya.vazankovmv@yandex.ru
tel.: +7 (918) 197 06 77

Annotation

The article examines the content, forms and results of the development of pedagogical education in the Kuban and Adygea in the 1920s on the basis of a wide range of factual material in the context of solving state problems and developing the local socio-cultural environment. On the basis of the research, the authors have concluded that during the investigated period there was no need to talk about the existence of planning principles and a certain system in its organization. In the course of implementing the guidelines of the central authorities for the training of socialist teachers, real local conditions were not taken into account: the low level of literacy of the population, the lack of the necessary financial, material basis, trained personnel and experience in relevant organizational work.

The class selection aimed at its proletarianization had a negative effect on the qualitative level of new teachers. As the main result of the development of teacher education, the acquisition of organizational experience necessary for large-scale planned training of personnel, which has been unfolding since the early 1930s has been noted.

Keywords: highlanders' workers' faculty, school indigenization, cultural revolution, preparatory department, proletarianization of professional personnel, workers' faculty

***For citation**: Emtyl Z.Ya., Vazankov M.V. Development of pedagogical education in the Kuban and Adygea in 1920-s // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2022. Volume 14, No. 3. P. 26-34. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-3-26-34.*

Грандиозные задачи, связанные с осуществлением культурной революции и построением нового общества советской властью, тесно связывались с созданием нового учительства, преданного социалистическим идеалам и являвшегося их надежным проводником в обществе. В этой связи центральное место в мероприятиях советской власти заняла подготовка профессиональных кадров педагогов, принявшая в 20-е гг. XX в. в СССР беспрецедентный размах. Данный опыт представляет особый интерес в условиях современного кризиса педагогического образования в России, выражающегося как в низком качестве подготовки специалистов сферы образования, так и нежелании молодежи работать в школе.

Исследование темы имеет и историографическую значимость. Несмотря

на масштабность и общественную значимость развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее, в годы культурной революции на протяжении длительного времени эта тема не стала предметом специального научного анализа и рассматривалась в контексте трех основных исследовательских тем: осуществление культурной революции [17; 9], становление системы народного образования [12; 18], формирование «новой интеллигенции» [2; 11; 10].

Исходя из актуальности и характера разработки проблемы, целью работы является исследование содержания, форм и результатов развития педагогического образования в 20-е гг. XX в. в контексте решения государственных задач и развития местной социокультурной среды.

Целенаправленные шаги по развитию педагогического образования на Кубани и в Адыгее стали осуществляться после завершения Гражданской войны. Реализация декретов советской власти в области развития народного образования и ликвидации неграмотности обнаружила острую нехватку местных учительских кадров. Их масштабная подготовка не представлялась возможной без развития на Кубани и в Адыгее педагогического образования.

В сентябре 1921 г. в Краснодаре на базе годом ранее организованного Кубанского государственного университета был создан Кубанский высший педагогический институт. Первый педагогический вуз Кубани состоял из факультетов: педагогического, внешкольного, словесно-исторического и естественно-математического и 13 кафедр, на которых работало 50 преподавателей [13, с. 12, 15]. В год открытия на обучении в пединституте было 658 студентов из среды советских служащих, крестьян и рабочих. Институт располагал своей библиотекой, читальным залом, химической, физиологической лабораториями, а также музыкальной и художественной студиями [13, с. 12, 15]. Однако из-за сложностей в финансировании и отсутствии в крае подготовленного контингента для обучения в педагогическом вузе, Кубанский высший педагогический институт не мог обеспечить массовую подготовку педагогических кадров, в которой остро нуждалось народное образование.

Важнейшую роль в создании условий для подготовки педагогических кадров играло открытие на Кубани и в Адыгее педагогических техникумов. В 1923 г. начал работу Армавирский педагогический техникум, в котором на обучении находилось 55 человек. Педагогический коллектив состоял из семи человек. Недостаточная подготовленность и укомплектованность штата педагогов не позволяла техникуму иметь 4 курса, и выпуск учащихся осуществлялся после 3 курса. С целью придания техникуму сельскохозяйственного уклона помимо основного перечня учебных дисциплин в учебное расписание 3-го курса был включен урок «сельское хозяйство». В техникуме осуществлялась широкая внеучебная работа: функционировали марксистский, литературно-драматический и педагогический кружки [3, л. 2 об, 17 об, 27].

В 1925 г. был открыт Адыгейский педагогический техникум в Краснодаре [14, с. 172]. Значительную роль в организации его деятельности сыграли представители национальной интеллигенции – крупный адыгский просветитель, заведующий Адыгейским областным отделом образования С. Сиюхов и председатель Адыгейского облисполкома Ш.-Г. Хакурате. Главной задачей нового учебного заведения стало кадровое обеспечение образовательных учреждений Адыго-Черкесской автономной области учителями младших классов и инструкторами просвещения, лекторами и организаторами мероприятий. Первым заведующим адыгейского педтехникума был Ч. Пшунелов, который в условиях острой нехватки учительских кадров преподавал разные

дисциплины. Первоначально в подготовительную группу было принято 47 человек (40 юношей и 7 девушек). В 1927 г. в техникуме обучалось уже 97 человек, а в 1928 г. был осуществлен первый выпуск (9 человек) [14, с. 172].

В целях ускоренного обеспечения потребности в педагогических кадрах в условиях масштабной борьбы с безграмотностью стали создаваться краткосрочные учительские курсы [4, л. 7, 8]. Особенно удобным этот способ подготовки педагогов признавался для «нацмен-учительства». В этой связи оргбюро Адыгейско-Черкесской автономной области РКП (б) в июле-августе 1924 г. организовало курсы для подготовки педагогических кадров для школ области. Состав курсантов формировался в основном из середняцкой и бедняцкой крестьянской среды. Большинство из слушателей курсов имело образование в объеме школы первой ступени [14, с. 74].

Данная форма обучения скорее являлась чрезвычайной мерой и не могла обеспечить качественной подготовки педагогов. В программе курсов отсутствовали такие фундаментальные дисциплины, как педагогика и методика преподавания, что обусловило низкую профессиональную квалификацию их выпускников. Так, заведующий отделом народного образования С. Сиюхов вместе с преданностью делу отмечал слабую теоретическую и практическую подготовку выпускников учительских курсов [6, л. 19]. В последующем постановление Пленума комитета по просвещению национальных меньшинств народного комиссариата просвещения РСФСР от 25 февраля 1933 г. признало подготовку педагогов, окончивших краткосрочные курсы, неудовлетворительной [15, с. 279].

Озабоченность партийных органов в центре и на местах вызывал не только в целом низкий уровень профессиональной квалификации учительства, но и его «засоренность» классово чуждыми советской власти элементами. Данное состояние учительских кадров было объективно обусловлено – среди трудящихся слоев населения Кубани и Адыгеи не хватало грамотных людей, из среды которых в короткие сроки возможно было бы подготовить достаточное количество педагогических кадров.

Подобное положение противоречило установкам советской власти, которая была убеждена в том, что создание новых кадров учителей-социалистов, абсолютно преданных интересам Коммунистической партии и трудящихся, является важнейшим условием построения трудовой социалистической школы [15, с. 88]. Заведующий отделом подготовки учителей Народного комиссариата просвещения К.В. Левин в своем отчете о работе за 10 августа 1920 г. отмечал, что будущие учителя для трудовой социалистической школы должны «вербоваться из лиц с определенной классовой подготовкой или с вполне сложившимся социалистическим мировоззрением» [15, с. 130].

Особенно остро вопрос о классовом подборе учащихся вузов и техникумов стал во второй половине 20-х гг. XX в. и был направлен на пролетаризацию высшего и среднего образования. Партийная директива состояла в комплектовании учащегося состава этих заведений по классовому признаку [10, с. 135], что являлось одним из важнейших элементов в системе подготовки «красных специалистов» [1, с. 14]. С 1926 г. на Кубани и в Адыгее стали создаваться Аттестационные комиссии для «отбора наиболее пригодных в классовом отношении в Вузы лиц...» [8, л. 3]. От подлежащих к направлению в высшие и средние учебные заведения требовали предоставления целого перечня документов, среди которых главное значение отводилось справке о социальном положении [7, л. 6]. Несмотря на это, властям приходилось констатировать несерьезное отношение низовых советских организаций к выдаче подобных

справок. Бывали случаи использования личных связей и фальсификации документов [1, с. 17].

Реализовать классовый подход к комплектованию состава учащихся вузов и техникумов было чрезвычайно сложно, так как среди трудящихся слоев населения на Кубани и в Адыгее в начале 20-х гг. отсутствовал подготовленный с точки зрения наличия базового образования «материал». Кроме того, выходцы из рабоче-крестьянской среды не были заинтересованы в возможности получения «большого» образования. Это потребовало от местных властей проведения агитационных мероприятий («агитпрома») по «вербовке в вузы» [10, с. 135].

Осуществление пролетаризации педагогического образования потребовало организации подготовки к последующему профессиональному обучению рабоче-крестьянской молодежи. Главным средством пролетаризации студенчества стали рабочие факультеты (рабфаки) и подготовительные курсы, которые массово создавались в 1920-е гг. как исключительно классовые структуры для подготовки трудящейся молодежи к последующему обучению в вузах и техникумах.

Ключевую роль в пролетаризации состава учащихся вузов играли рабфаки. Декрет СНК «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 г. заложил законодательную основу массового создания рабфаков и объявил их органичной частью высшей школы [22, с. 567]. Однако создание и функционирование рабфаков в начале 20-х гг. столкнулось с традиционными для того времени финансовыми и материальными трудностями. В справке о состоянии рабфака Кубанского высшего педагогического института от 30 сентября 1921 г. констатировалось, что «рабфак не имеет своего помещения. Студенты живут в невыносимых условиях, питаются отвратительно… Некоторым подспорьем служит огород, который студенты обрабатывают коллективно» [23, л. 1].

Важно отметить, что политика пролетаризации образования позволяла обеспечить изменение социального состава «нового» советского учительства, но вела к снижению его качественных характеристик. Создавалась ситуация, при которой ограничивались возможности получения «большого» образования выходцами из среды «старой» интеллигенции, которые в отличие от рабоче-крестьянской молодежи имели необходимую образовательную подготовку и были готовы к усвоению сложных профессиональных навыков. Ставшая же источником формирования советского учительства рабоче-крестьянская молодежь в силу объективных причин не имела достаточного интеллектуально-образовательного и культурного уровня.

Говоря о развитии педагогического образования на Кубани и в Адыгее, следует отдельно остановиться на его связи с политикой коренизации школы, то есть организации процесса обучения на родном языке. Советская власть провозгласила, что все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке. Более того, преподавание на родном языке провозглашалось основным принципом методически правильной постановки дела в советской школе [21, с. 1101–1102]. Коренизация школы должна была, с одной стороны, показать, что советская власть не посягает на национальную самобытность нерусских народов РСФСР, и тем самым сделать ее близкой трудящимся национальных окраин, а, с другой, позволяла обеспечить школьному образованию массовость, превратив его в важнейшее средство решения задач коммунизации [10, с. 147].

В своей речи на II съезде советов Адыго-Черкесской автономной области в декабре 1923 г. руководитель областного отдела народного образования отметил принципиальную важность использования национальных педагогических

кадров в адыгских школах, которые смогли бы внушить горцам интерес к школе. Когда же, по его словам, русские учителя, направляемые в аулы, начинают говорить о пользе школы, «черкесы, у которых не забыта старая вражда, очень недоверчиво смотрят как на врага и говорят: зачем нам заботиться о русской школе. Черкес видит в ней чужую школу…» [5, л. 115].

Таким образом, политика коренизации школы в Адыгее требовала привлечения к работе в школе этнических адыгов. Однако среди них было мало выходцев из трудового народа. Бывшие служители культа, представители свергнутых эксплуататорских слоев «не хотели, да и не могли воспитать активных строителей нового общества» [2, с. 222–223]. Это обусловило для советской власти необходимость массовой подготовки национальных педагогических кадров, знающих адыгские традиции, язык и способных организовать обучение на родном языке.

С целью решения данной проблемы для молодежи трудового происхождения из Адыгеи стали выделяться внеконкурсные места в учебных заведениях страны. Однако среди социально близких новой власти слоев населения отсутствовал подготовленный для обучения в средних и высших учебных заведениях контингент. Данная проблема усугублялась плохим знанием русского языка. В этой связи, наиболее адекватным способом подготовки адыгской молодежи к последующему обучению в вузах и техникумах в начале 20-х гг. стало закрепление за ними мест на рабфаках и подготовительных отделениях. В последующем они поступали на специально создаваемые для горской молодежи при рабфаках горские отделения и подготовительные группы.

Центральные и местные органы власти старались отслеживать, чтобы на данные места в педагогических вузах и техникумах зачислялись молодые люди основных этнических групп местного населения. Тем не менее, процент адыгской молодежи по отношению к общему количеству направляемой на обучение из Адыгейской автономной области молодежи даже к 1928 г. составлял всего 25% [19, с. 134].

Следует отметить, что в первое десятилетие существования советской власти практически отсутствовали плановые начала в вопросе подготовки национальных педагогических кадров. Только в начале 30-х гг. отправка адыгской молодежи в профильные вузы и техникумы стала носить более организованный и системный характер. Эти возможности появились в связи с ростом в Адыгее количества школ повышенного типа. Большую роль в создании педагогических кадров высшей квалификации имело создание в 1931 г. при Краснодарском педагогическом институте адыгейского отделения, имевшего 20 мест [20, с. 70].

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что содержание и формы развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX в. определялось как государственной политикой в данной области, так и местными социокультурными, финансовыми и организационными условиями. В течение 20-х гг. XX в. были внедрены различные формы подготовки педагогических кадров от курсов ускоренной подготовки учителей до педтехникумов и вузов. Выраженная классовая направленность кадровой политики советских властей привела к внедрению адекватных ситуации форм подготовки рабоче-крестьянской молодежи, таких как рабфаки и подготовительные отделения, в том числе национальные.

Несмотря на огромную государственную и общественную значимость, которую педагогическому образованию придавала советская власть, в 20-е гг. не приходится говорить о

существовании плановых начал и некой системы в его организации. В ходе реализации установок центральных властей по подготовке кадров учителей-социалистов не учитывались реальные местные условия: низкий уровень грамотности населения, отсутствие необходимой финансовой, материальной основы, подготовленных кадров и опыта соответствующей организаторской работы. Негативно на качественном уровне нового учительства сказывался классовый отбор, направленный на его пролетаризацию. Он обеспечил изменение социального состава советского учительства, но вел к снижению его качественных характеристик. Рабоче-крестьянская молодежь, ставшая «полем» формирования нового учительства, не имела достаточного интеллектуально-образовательного и культурного уровня. Подводя итоги результатам развития педагогического образования на Кубани и в Адыгее в 20-е гг. XX в., возможно в большей степени говорить о количественных изменениях в составе учительства и приобретении организационного опыта, необходимого для масштабной плановой подготовки кадров, развернувшейся с начала 30-х гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амо А. Пролетаризация высшей школы // Революция и культура. 1929. № 4. С. 14–21.

2. Бекижев М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Черкесск, 1978. 285 с.

3. ГАКК. Ф. р-365. Оп. 1. Д. 1130.

4. ГАКК. Ф. р-365. Оп. 5. Д. 135.

5. ГУНАРА. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 37.

6. ГУНАРА. Ф. р-730. Оп. 1. Д. 14.

7. ГУНАРА. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 229.

8. ГУНАРА. Ф. р-21. Оп. 1. Д. 50.

9. Денисова Н.Н. Культурная революция в Адыгее: предыстория, содержание, противоречия // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2017. № 13. С. 85–91.

10. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Дом-Юг, 2010. 352 с.

11. Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. 334 с.

12. Кононенко В.М. Развитие высшего образования на юге России (20–90-е годы XX века): дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006. 619 с.

13. Кубанский университет. Материалы по изучению истории вуза. Краснодар, 1987. 29 с.

14. Культурное строительство в Адыгее (1922–1937): сборник документов и материалов. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1958. 380 с.

15. Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы (1917–1977). Т. 2, ч. 1. Документы и материалы 1928–1941. М., 1985. 396 с.

16. Культурное строительство в РСФСР: документы и материалы. 1917–1927. Т. 1, ч. 2. Документы и материалы. 1921–1927 . М., 1984. 364.

17. Куценко И.Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийной организации Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 годах. Краснодар, 1973. 245 с.

18. Наумова А.Г. Становление и развитие высшего образования на Кубани: исторический аспект: На примере вузов г. Краснодара (1918–1970 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 27 с.

19. Революция и горец. 1928. № 1.

20. Революция и горец. 1931. № 4.

21. О школах национальных меньшинств: Постановление народного комиссариата просвещения от 31 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. С. 1101–1102.

22. О рабочих факультетах: Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 сентября 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 576.

23. ЦДНИКК Ф. 1. Оп. 1. Д. 182.

REFERENCES:

1. Amo A. Proletarianization of higher education // Revolution and culture. 1929. No. 4. P. 14–21.

2. Bekizhev M.M. Formation of the socialist intelligentsia among the peoples of the North Caucasus (1917-1941). Cherkessk, 1978. 285 p.

3. SAKT. F. r-365. Op. 1. D. 1130.

4. SAKT. F. r-365. Op. 5. D. 135.

5. SINARA. F. r-1. Op. 1. D. 37.

6. SINARA. F. r-730. Op. 1. D. 14.

7. SINARA. F. r-1. Op. 1. D. 229.

8. SINARA. F. r-21. Op. 1. D. 50.

9. Denisova N.N. Cultural revolution in Adygea: prehistory, content, contradictions // Bulletin of Science of the Adygh Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerashev. 2017. No. 13. P. 85–91.

10. Emtyl Z.Ya. The Adygh intelligentsia: formation and activity in the historical dynamics of the 19th century – early 1930s. Krasnodar: Dom-Yug, 2010. 352 p.

11. Kaimarazov G.Sh. Formation of the socialist intelligentsia in the North Caucasus. M.: Nauka, 1988. 334 p.

12. Kononenko V.M. Development of higher education in the south of Russia (20–90s of the XX century): dis. … Dr. of History. Stavropol, 2006. 619 p.

13. Kuban University. Materials for the study of the history of a high school. Krasnodar, 1987. 29 p.

14. Cultural construction in Adygea (1922–1937): a collection of documents and materials. Maikop: Adygh book publishing house, 1958. 380 p.

15. Cultural construction in the RSFSR: documents and materials (1917-1977). Vol. 2, part 1. Documents and materials 1928–1941. M., 1985. 396 p.

16. Cultural construction in the RSFSR: documents and materials. 1917-1927. Vol. 1, part 2. Documents and materials. 1921–1927. M., 1984. 364.

17. Kutsenko I.Ya. Revolution and culture. Essay on the history of the struggle of the party organization of the North Caucasus for the implementation of the cultural revolution in 1918-1932. Krasnodar, 1973. 245 p.

18. Naumova A.G. Formation and development of higher education in the Kuban: a historical aspect: On the example of universities in the city of Krasnodar (1918-1970): Abstract of the diss. ... Candidate of History. Krasnodar, 2005. 27 p.

19. The Revolution and a mountaineer. 1928. No. 1.

20. The Revolution and a mountaineer. 1931. No. 4.

21. On the schools of national minorities: Decree of the People's Commissariat of Education of October 31, 1918 // Collection of legalizations and government orders for 1917–1918. M.: General Affairs Department of the Council of People's Commissars of the USSR, 1942. P. 1101–1102.

22. On the working Faculties: Decree of the Council of People's Commissars of September 17, 1920 // Collection of legalizations and government orders for 1920. Administration of the USSR Council of People's Commissars. M., 1943. P. 576.

23. CDCCHIKK F. 1. Op. 1. D. 182.